

Обратная перспектива

ЭВОЛЮЦИЯ НАЦИОНАЛИЗМА В РОССИИ¹

Э.А. Паин

*Национальный исследовательский университет —
Высшая школа экономики*

Аннотация: В статье прослеживается динамика элитарных, а затем и массовых представлений о нации и национализме на протяжении длительного периода истории России. По крайней мере с начала XIX в., в стране проявлялся чрезвычайный динамизм, высокая вариативность, и крайняя неустойчивость этих идей. Автор ставит своей задачей дать ответ на вопрос: почему европейская идея национализма затем превратилась в России в антизападную идеологию и практику имперского национализма. Он также делает попытку объяснить причины слабости нового, антиимперского русского национализма, появившегося в нулевые годы и почти полностью растворившегося в общеимперской идеологии после присоединения Крыма к России в 2014 г.

Ключевые слова: политические идеологии, нации и национализм, русский национализм, имперский синдром, имперское сознание.

От декабристов к черносотенцам

Со второй половины XIX века под русским национализмом в России понимали организационно оформленные группы, выражающие идеи национального эгоизма, ксенофобии и великодержавного шовинизма. Такое понимание утвердилось, во многом, опираясь на идеи В.С. Соловьева, изложившего в полемике с поздними славянофилами свое сугубо отрицательное отношение не только к нарождающемуся русскому национализму, но и к самой идеи нации, трактуемой им как синоним этнического сообщества. По его мнению, сам «принцип национальностей» есть «низший принцип», проявление «реакции», противоречащее «разумному ходу истории», «попятное движение», а защищающий этот принцип национализм (под которым понимался только этнический национализм) — явление сугубо разрушительное. Национализм, по мнению В. Соловьева, возникает вследствие стремления отдельных народов выделиться, противопоставить себя другим народам, обособиться от них. Соловьев был убежден, что «в таком стремлении положительная сила народности превращается в отрицательное усилие национализма». [Соловьев 1901: 8–10]. Впрочем, этнические трактовки нации и

¹ Статья подготовлена в рамках работы по гранту РФФИ № 15-18-00064.

национализма доминировали в России не всегда. Почти на век раньше появились иные подходы.

Гражданское понятие нации, в том виде, в каком оно было отражено в «Декларации прав человека и гражданина» (1789) стало известно российской элите уже в XVIII в., сразу же вслед за Францией и на протяжении почти 70 лет такая трактовка нации доминировала в России, хотя власти к ней относились по-разному. Из «Декларации» вытекает, что народ — нация, а не монарх — является носителем суверенитета («народный суверенитет»); нация имеет свое представительство в виде национального (народного собрания) и от имени нации провозглашаются и гарантируются права конкретного человека и гражданина². Эту идею нации как над сословной общности, носителя суверенитета в той или иной форме отстаивали в России дворянские революционеры, требовавшие ограничения самодержавия в России и названные позднее, после восстания 14 декабря 1825 г., «декабристами» [Дружинин 1985, Нечкина 1982; Федоров 1992]. **Декабристов (как защитников идей конституционной монархии, так и апологетов республиканского строя) определяют некоторые исследователи как первых националистов в России** [Сергеев 2010]. В такой же гражданской трактовке идею нации использовал в 1797 году будущий император Александр I (тогда наследник престола), который заявлял, что став царем, он дарует России конституцию и «нация изберет своих представителей» [Миллер 2012]. Однако между 1790–1830 гг. в России произошли такие политические события, которые радикально изменили отношение элит к сущности нации и к самому этому термину. Если Александр I восходил на престол с мыслью даровать конституцию «сверху», чтобы избежать революции «снизу», то его преемник Николай I начал свое царствование с подавления той самой революции, которую хотел, да не успел упредить его старший брат. При этом восставшие декабристы требовали конституции, провозглашения суверенитета нации и ее представительства. Принятие этих требований казенных бунтовщиков было немыслимым для нового императора. Как отмечает историк Алексей Миллер: «После восстания декабристов и польского восстания 1830–1831 годов прежний дискурс о *нации* и *национальном представительстве* как желанной, хотя и труднодостижимой цели, сменился в позиции официальных кругов отрицанием конституции и национального представительства как неуместных для России в принципе» [Миллер 2012]. С этого времени сам термин «нация» подвергался цензуре, прежде всего потому, что он неразрывно связывался в сознании читающей публики с национальным (народным) суверенитетом и представительством. Одним из важнейших средств умерщвления этого термина стала его замена и вытеснение другими квазиподобными.

В 1833 г, при вступлении в должность министра просвещения, Сергей Уваров изложил формулу, ставшую знаменитой: «Православие, Самодержавие, Народность». По его замыслу, эта триада должна была выступать заслоном на пути европейского свободомыслия и антитезой другой триаде — «Свобода, Равенство, Братство» — базовым идеям Французской революции, которые по мнению российских консерваторов указанного времени, органично неприемлемы для русского народа [Вортман 1999]. Главной новацией в формуле С. Уварова являлось понятие «народность», в честь которой и вся доктрина получила название «официальная народность». В более жестких формах выражения ее называли также «казенная народность». Под ней понималась, прежде всего, установленная волею монарха преданность России собственным **традициям и самобытному пути, противоположному западным моде-**

² Original Declaration of the Rights of Man and of the Citizen (1789–1791) (англ.). UNESCO Memory of the World Programme. — Доступно: <http://www.unesco.org/new/en/communication-and-information/flagship-project-activities/memory-of-the-world/register/full-list-of-registered-heritage/registered-heritage-page-6/original-declaration-of-the-rights-of-man-and-of-the-citizen-1789-1791/>. — Проверено: 14.10.2014.

лям (сейчас аналогичная концепция называется «особый путь России»). «Особым дух» русской народности состоит в преданности православию и самодержавию.

Примечательно, что сам С. Уваров во времена царствования Александра I защищал принципиально иные идеи. В 1819–1821 гг. он был завзятым европеистом, утверждавшим, что Россия должна двигаться вместе с Европой [Майофис 2010]. Нынешний герой «национально-патриотических» кругов России С.С. Уваров, на мой взгляд, представляет собой типичный для русской истории образ идейного перебежчика, приспособившего свои взгляды к вкусам правителя. По свидетельству выдающегося историка С.М. Соловьева (академика, одного из ректоров МГУ), С. Уваров было человеком, у которого «способности сердечные нисколько не соответствовали умственным. Представляя из себя знатного барина, Уваров не имел в себе ничего истинно аристократического; напротив, это был лакей, получивший порядочные манеры в доме порядочного барина (Александра I), но оставшийся в сердце лакеем; он не щадил никаких средств, никакой лести, чтобы угодить барину — императору Николаю; он внушал ему мысль, что он, Николай, — творец какого-то нового образования, основанного на новых началах: православии, самодержавии, народности. Православии — будучи безбожником, самодержавии — будучи либералом, народности — не прочитав в свою жизнь ни одной русской книги»³.

Идея нации в рамках доктрины С. Уварова рассматривалась как проявление «вольнодумства» и «смутьянства», и именно ей противопоставлялось понятие «народность». Во-первых, как якобы русский термин вместо иностранного — «нация»⁴. Во-вторых, как понятие, лишённое какой-либо связи с атрибутами демократии и национального представительства, а, напротив, отражавшее патерналистскую идею заботы государя о своих подданных. Государь — отец народа, а подданные — его дети, свято почитающие своего самодержавного отца. Таковы ключевые идеи доктрины «официальной народности» [Вортман 1999].

Понятие «народности» плохо приживалось в русском языке и даже в политическом обиходе, поэтому продолжались поиски других разрешённых цензурой терминов, взамен крамольного — «нация». Петр Валуев, в молодости писатель-эссеист, а позднее (в 60-е – 80-е гг.) один из высших сановников царя Александра II, еще в конце 1830-х гг. в своем философском эссе: «Мысли о национальности» обосновывал необходимость замены понятия *нация* (*la nation*), как сугубо политической категории, понятием *национальность* (*la nationalité*), как сугубо фольклорным понятием, отражающем специфику культуры и обычаев народа [Герштейн 1941]. Со временем понятие «национальность» в России прижилось в том понимании (приблизительно), в каком с середины XX века в академических кругах стали определять «этничность» или «этническую идентичность» — общность людей, связанных самоназванием (этнимомом), субъективным представлением об общем происхождении (этническим самосознанием), а также некоторыми особенностями культуры, закрепленными в межпоколенной трансляции [Dictionary of Race... 1966: 124; Бромлей 1983: 57–58].

Гражданскую трактовку понятия «нация» всячески вытесняли, тем не менее, она сохранялась в языке, как уже отмечалось, почти 70 лет и лишь в середине 1860-х гг. нехотя стала уступать свое место новой, сугубо этнической трактовке. Первоначально она имела сугубо негативную коннотацию в словосочетании «национальный вопрос». Так в докладах царю министра внутренних дел П. Валуева обозначались «угрозы сепаратизма в Польше и Украине» [Миллер 2012].

³ Уваров Сергей Семёнович. — Доступно: <http://www.az-libr.ru/Persons/M54/699206b0/0001/bdc90ad2.shtml>. — Проверено: 14.10.2014.

⁴ Термин «народность» также заимствован русским языком из других (из польского), но несколько раньше, чем термин «нация» [Миллер 2012].

С каждым последующим десятилетием российской истории национальная проблематика все более приобретала этническую окраску и при этом трактовалась с позиций эссенциализма, как некий набор свойств, природных и фатально присущих тому или иному народу (этнической нации). С конца 1890-х гг. российские славянофилы в споре со своими оппонентами западниками стали активно развивать идею Уварова о принципиальных и навеки предопределенных различиях между русским народом и нациями Запада. По мнению славянофилов, «русский народ навсегда отказался от бремени народного представительства в пользу самодержавной монархии» [Миллер 2012]. При этом славянофилы 90-х отказались от наследия своих предшественников, славянофилов середины XIX в. (Константина и Ивана Аксаковых, Александра Кошелева, Юрия Самарина и др.), которые проявляли оппозиционность к доктрине «официальной народности», считали ее удушающей творческое начало («душевердным деспотизмом», «угнетательской системой»). Поздние же славянофилы конца 1890-х – начала 1990-х гг. (Николай Данилевский, Константин Леонтьев, Василий Розанов и др.) активно развивали идеи особого пути России. Именно эта когорта славянофилов стала противопоставлять особенности национального характера русских (терпимость, жажду истины, спонтанность, сердечность, душевность, великодушие, соборность, склонность принимать решения коллективно) обобщенному образу западного менталитета, которому якобы всегда присущи эгоизм, жадность, лживость, холодная расчётливость [Цимбаев 1986]. Поздние славянофилы поставили на службу сохранения самодержавия и имперской власти концепцию нации как этнического явления, навсегда приросшего к телу русского народа.

Из кругов поздних славянофилов выросло и то идеологическое течение, которое стало именовать себя «русские националисты», и так же определялось внешними наблюдателями. На наш взгляд, с конца XIX в. и до настоящего времени сохраняют свое значение несколько важнейших, родовых признаков, которые характеризуют особенности русского национализма:

- *эссенциализм* — представление об особых извечных культурных свойствах русского народа, принципиально отличающихся от других народов, в частности от народов западной Европы. Запад всегда выступал в качестве «конституирующего иного» по отношению к русскому национализму;

- *имперский охранительный характер* — служение самодержавию и сохранение империи изначально рассматривались русским национализмом в качестве важнейших целей их политической активности. Первая легальная партия русских националистов «Союз Русского Народа», возникшая в 1905 г., в качестве важнейшего положения своей политической программы указала: «Союз Русского Народа... поставляет своим священным непреложным долгом всеми силами содействовать тому, чтобы завоёванные кровью предков земли навсегда оставались неотъемлемой частью Русского государства, и чтобы все попытки к расчленению России, под каким бы то ни было видом, решительно и безусловно были устраняемы»⁵;

- *принцип политического доминирования этнических русских* — соединение идеи защиты империи с требованием в ответ на это предоставления империей преимущественных прав в ней этническим русским — русскому народу, русской нации: «Россия для русских».

Итак, *идея нации появилась в России в конце XVIII века как один из признаков ожидания просвещенной частью общества революционных перемен. Ее первых защитников, например, декабристов, выдвигавших идею нации как источника конституционного порядка, можно было бы на этом основании назвать гражданскими националистами. Однако, если первые русские «националисты» отстаивали ценности народного представительства, то к началу XX в. национализм выродился в одну из самых реакционных поли-*

⁵ См. Программа Союза Русского Народа. — Библиотека Якова Кротова. — Доступно: <http://krotov.info/acts/20/1900/1906anti.html>. — Проверено: 14.10.2014.

тических сил, защищающих самодержавие, имперское устройство России, этническое религиозное и социальное неравенство ее жителей. Национализм, основанный на указанных принципах, концептуально и организационно сложился в Российской империи в 1900-х годах, а затем, после периода запрета в советские годы, возродился вновь в 1990-х годах — уже в постсоветской России — первоначально как оппозиционная политическая сила, противостоящая идеям (официально провозглашаемым тогда) модернизации, либерализма, федерализма и толерантности. С начала 2000-х гг. имперский национализм становится политическим попутчиком российской власти. Однако, как уже отмечалось, на волне подъема политических протестов в 2011–2012 гг. ясно проявились черты совершенно нового русского национализма.

Взлёт и падение «нового» («национал-демократического») русского национализма в 2010–2014 гг.

Признаки этого течения в национализме в указанный период проявились зримо, как в лабораторном опыте, поскольку многие из них целенаправленно конструировались в качестве противоположных традиционному русскому национализму.

Антиимперский характер нового национализма. Переход русского национализма от имперской к национальной идеологии обозначился в первой декаде 2000-х годов, как считает, один из самых популярных теоретиков «нового» национализма К. Крылов: «Начнем с того, что русский национализм в собственном смысле слова — явление, по сути, новое. Я отсчитываю его историю примерно с середины двухтысячных» [Крылов 2010]. Русский национализм зарождался как имперский, и до конца 1990-х годов в движении, которое по мысли Крылова необоснованно называлось русским национализмом, почти «все сводилось к мечтам на тему „как бы нам обустроить империю“». Национал-демократы продемонстрировали отказ от традиционного для русских националистов империализма и декларировали свои убеждения в том, что в политическом смысле последовательный национализм противоположен имперской идеологии, отстаивающей не народный суверенитет, а суверенитет повелителя. Национализм, как отмечает К. Крылов, «считает, что государство — ценность вторичная. Страна существует для народа, а не народ для страны» [Крылов 2010]. Отказ от идеи империи, переосмысление роли государства и общества уже привели немалую часть русских националистов к отказу не только от имперской ориентации, но и от поддержки самодержавной, авторитарной модели управления. «Когда советское государство развалилось, — отмечает Крылов, — все идейно русские силы выступили на стороне коммунистов. И в результате они не смогли выжать из себя ничего, кроме „красно-коричневого синтеза“», что, по мнению Крылова, и привело «русскую партию» к краху. Ныне же ситуация радикально изменилась и, по его словам, укрепляется представление, что «национализм и демократия — это практически одно и то же» [Крылов 2010].

Отказ от традиционного этатизма, оппозиционность властям, требования демократизации. Примечательной особенностью нового русского национализма стала его демонстративная оппозиционность по отношению к действующей власти. Обвинения в ее адрес выдвигали почти все идеологи русского национализма и сводились они к следующему упрекам: в целенаправленном подавлении русского национального движения, а то и всей русской нации; в невнимании к проблемам русского большинства; в нежелании властей бороться с наплывом мигрантов в крупные города. Подобные упреки выдвигались русскими националистами властям еще в СССР [Митрохин 2003: 41–76], но в советское время эти обвинения не сочетались у националистов с требованиями демократизации, а вот к концу первой декады 2000-х появились признаки того, что совокупность разрозненных протестных настроений в среде элитар-

ного русского национализма сливается в некий единый поток, на основе которого зарождается новая для России разновидность национализма — «**национал-демократия**», противостоящая традиционной и основной ветви русского национализма — «национал-имперской», которую иногда называют иначе «национал-патриотической».

Первым признаком того, что позднее назвали *демократическим поворотом* русского национализма стало формирование в его недрах «антисоветской платформы». Одним из ярких ее примеров было создание отдельной антисоветской колонны на «Русском марше — 2012»⁶. После этого многие националистические лидеры все чаще в своих выступлениях стали отрешиваться не только от сталинизма, но и от авторитаризма как политического принципа. Результатом этого стало появление на авансцене российской политики национал-демократического движения, которое быстро обратило на себя внимание наблюдателей. Именно его лидеры были ядром националистического крыла оппозиционных митингов в Москве «за честные выборы» в 2011–2013 гг. Историк Е. Галкина выделяет следующие ключевые отличия национал-демократов от тех, кого она называет «национал-патриотами»: «Нацдемы, как правило, весьма эмоционально винят Советскую Россию в уничтожении крестьянства, традиций самоуправления, в национальной политике, направленной на подавление русской этничности, в диктате государства и тоталитаризме» [Галкина 2012: 83]. Сегодня эти претензии адресуются уже Российской Федерации, которая мыслится как прямой наследник Советского Союза. На подобных позициях стоят лидеры Национал-демократической партии: Константин Крылов, Владимир Тор, Ростислав Антонов, Александр Храмов и другие. В чем-то похожих взглядов придерживается и Валерий Соловей — лидер партии «Новая сила».

На стыке национал-демократии и противоположной ей державно-имперской модели национализма формируются идеи Егора Просвирнина — вдохновителя, создателя и действующего лидера модного националистического интернет-проекта *Sputnik&Pogrom*⁷. Это одна из самых противоречивых фигур в рядах русских националистов. В своих программных текстах он яростно критикует советский коммунистический режим, метафорически сравнивая его с ночью («...посреди ясного русского дня внезапно наступила черная коммунистическая ночь»)⁸ и уделяет больше внимание необходимости демократических перемен на благо этнических русских; «Своим идеалом мы видим русское национальное демократическое правовое государство, с экономической жизнью, построенными на началах законности и свободной конкуренции»⁹. Все это сближает Просвирнина с национал-демократическим течением в русском национализме. Вместе с тем, антилиберальная риторика большинства текстов *Sputnik&Pogrom*, сквозящая в них идея территориального реванша и экспансии — все это роднит Просвирнина с идеологией основной массы имперских националистов.

Отказ от традиционного антизападничества, подражание западным моделям национализма. Марлен Ларюэль, указывает еще на одну особенность национал-демократического движения — их последовательную апелляцию к опыту западных правых партий, прежде всего, опыту борьбы с нелегальными мигрантами и встраивание идеологием русского национализма в общеевропейский контекст [Laguette 2013]. Если иметь ввиду ориентацию на западные модели национализма, то дальше других в этом направлении и в своей национал-демократической риторике пошли идеологи «Национал-демократического альянса» Алексей Широпаев и Илья Лазаренко. Ими отвергается не только советский период истории, но и им-

⁶ Манифест Антисоветской колонны на Русском Марше-2012. — Форум Братства Ревнителей Православия. — Доступно: <http://forum.pravbrat.ru/index.php/topic,363.0.html>. — Проверено: 14.10.2014.

⁷ Sputnik&Pogrom. Официальный сайт. — Доступно: <http://sputnikipogrom.com>. — Проверено: 14.10.2014.

⁸ Просвирнин Е. Доступ: <http://sputnikipogrom.com/russia/1011/russianpraying/>. — Проверено: 14.10.2014.

⁹ Там же; Доступно: <http://sputnikipogrom.com/mustread/12442/sp-values/>; <http://sputnikipogrom.com/history/8307/liberaljuggler/>. — Проверено: 14.10.2014.

перское наследие эпохи Романовых. Они и их сторонники выступают за пересмотр современных федеративных отношений, за создание русских республик¹⁰.

Все перечисленные фигуры и представляемые ими идейные ручейки национал-демократии, различаясь между собой во многих отношениях, могут быть все же отнесены к одному типу — «несистемного национализма». Его отличие от массового, доминирующего «системного национализма» проявляется в подчеркнутом стремлении «несистемных националистов» преодолеть в русском национализме ностальгию большинства его адептов по советской эпохе. Советская идентичность в менталитете этнических русских всегда сильно мешала развитию их этнического самосознания. Даже на закате советской эпохи в 1986 г. по данным социологических опросов 78 % русских признали себя «советскими» и только 15% — русскими [Арутюнян 1999: 165]. Советская массовая культура была культурой авторитарного сознания и в этом также противоположна ценностями национал-демократии.

Особенно рельефно различия между традиционными советско-имперскими и новыми русскими националистами, представителями их национал-демократического крыла, проявились зимой 2013–2014 гг. в период выступления украинской политической оппозиции в Киеве на Майдане. В это время значительная часть национал-демократов в той или иной мере поддержали протестующих на Майдане. Наиболее последовательно это сделал НДА. Лидер этой организации Алексей Широпаев назвал события в Киеве «антиколониальной, демократической, европейской (в плане цивилизационного вектора) революцией» [Широпаев 2014]. По его мнению, мы стали свидетелями того, как европейская страна освобождается от власти азиатской империи. С большей осторожностью оценивали Майдан русские националисты, группирующиеся вокруг Национал-демократической партии (НДП), но и они не скрывали свою поддержку Майдану, видя в нем, прежде всего, доказательство значительной политической роли этнических националистов в украинском обществе. С таких позиций «Похвальное слово Майдану» написал один из лидеров этой партии [Тор 2014]. Это было демонстративно оппозиционное поведение русских национал-демократов, как по отношению к власти, так и к массовому русскому национализму, крайне негативно отнесшемуся к Майдану, как прозападному движению. Однако после того как Крым присоединили к России, ряды оппозиции из числа русских националистов стали быстро редеть. Например, Егор Просвирнин, недавний едкий критик власти, не скрывал поддержки ее действий в Крымском кризисе и радостно приветствовал вхождение полуострова в состав России. Изменение своей позиции он прокомментировал в одном из текстов на сайте: «И то, что Путин после десятилетий сдачи русских интересов везде и всюду вдруг вспомнил, что Крым — русская земля, вообще-то хорошо... Ругать Путина за то, что он начал выполнять часть нашей программы, как минимум странно» [Просвирнин 2014].

Среди немногих националистических группировок, которые осмелились и тут проявить оппозиционность, наиболее заметной оказался уже не раз упомянутый национально демократический альянс (НДА), который всегда были меньшинством даже в рядах немногочисленной российской национал-демократии. Даже в период наивысшего подъема этого течения, его теоретики отмечали, что освобождение русского национализма от советской, имперской идеологии происходит труднее всего и в самую последнюю очередь [Крылов 2010]. После присоединения Крыма к России, оказалось, что преодолеть советские, имперские стереотипы не удалось даже национал-демократической элите русских националистов, во всяком случае, подавляющему их большинству.

¹⁰ Власов. — ЖЖ Алексея Широпаева. — Доступно: <http://shiropaev.livejournal.com/61289.html>. — Проверено: 14.10.2014.

«Имперский синдром» и механизмы его активизации¹¹

Мировая история дает не мало примеров так называемых “reverse wave” (обратных волн) или эпох попятных движений, политической реакции [Хантингтон 2003]. В этом отношении историю России с ее множеством попыток модернизации страны, сменявшихся длительными периодами политической реакции, нельзя назвать уникальной. Алгоритм этого исторического бега по кругу для российских реформ XIX и XX вв. удачно сформулировал А. Кара-Мурза. Реформа начиналась со стремления «сблизиться с цивилизацией Запада — далее реформа „пробуксовывает“, обрастает „издержками“, постепенно приобретает черты псевдореформы — и, наконец, на волне ностальгии по бывшему имперскому могуществу и, пусть условному, социальному единству и идентификационной ясности на авансцену выходят жесткие государственники-реставраторы и крайние националисты» [Кара-Мурза 1999: 41].

Вот и в начале XXI в. в России наблюдается все та же логика возвратных процессов. Эпоха М. Горбачева и Б. Ельцина (конец 1980-х – начало 1990-х гг.) ознаменовалась стремлением России вновь сблизиться с Западом, как тогда говорили «вернуться в семью цивилизованных народов»¹². С начала 2000-х гг., (приход к власти В. Путина) обозначился новый курс. В. Путин с самого начала своего лидерства в России и до сегодняшнего дня транслирует идею особого пути России. В 1999 году, когда в России еще доминировала идея «догнать Запад», Путин, будучи премьер-министром, отстаивал, во многом, иной подход, подчеркивая уникальность российского варианта развития: «Россия не скоро станет, если вообще станет, вторым изданием, скажем, США или Англии, где либеральные ценности имеют глубокие исторические традиции. У нас государство, его институты и структуры всегда играли исключительно важную роль в жизни страны, народа. Крепкое государство для россиянина не аномалия <...> а, напротив, источник и гарант порядка, инициатор и главная движущая сила любых перемен» [Путин 2010]. Уже в этих словах можно усмотреть ориентацию на обоснование «особого пути» (*Sonderweg*) развития — идеологического конструкта, не раз использовавшегося имперскими режимами России и Германии в прошлом¹³. Притом Путин говорил это, являясь подчиненным Б. Ельцина. Став главой государства, он все более открыто стал развивать идею о цивилизационных различиях между Россией и Западом, ссылаясь на философа И. Ильина, прямого наследника интеллектуальной традиции поздних славянофилов. Наиболее полно идеи российской уникальности — исторической, культурной и политической — отражены в программном выступлении российского лидера — статье 2012 года под названием «Россия: национальный вопрос» [Путин 2011]. В ней Россия провозглашается «полиэтнической цивилизацией», существующей благодаря «единому культурному коду», суть которого сводится к мессианской роли русских и созданию самого большого в мире государства. В этих рассуждениях отсутствует слово «империя», как не было его и в официальном советском дискурсе «дружбы народов» [Лурье 2011], однако обе идеологемы, очевидно, являются выражением дискурса имперского порядка¹⁴. Присоединение к России Крыма — это уже не просто открытая установка на пересмотр результатов распада СССР, но практические дей-

¹¹ Впервые идея имперского синдрома была изложена автором в 2004 г. и затем развивалась в его работах [См. подробнее: Паин 2004; Паин 2007; Паин 2013].

¹² Эту формулу в той или иной форме неоднократно использовал президент Б.Н. Ельцин, например, в 1992 г., при объявлении, что российские ракеты не будут нацелены на США; в 1993 г. при подписании Договора о дружбе с Польшей; и, наконец, в январе 1994 г., во время визита президента США Клинтона в Россию. Тогда российский лидер заявил, что конфронтация с Западом имела катастрофические последствия для России и необходимо навсегда положить ей конец, вернувшись в «семью цивилизованных народов» [Современные международные... 1999: 56].

¹³ О сравнении мифологии «особого пути» в России и Германии — уникальной российской «цивилизации» и немецкого *Sonderweg*, см.: Идеология «особого пути»... 2010.

ствия по реализации этой стратегии. Поворот к такой политике России, наметился в самом начале 2000-х гг. и тогда же был зафиксирован многими исследователями. Одной из первых была и моя публикация тех лет [Pain 2001: 143–153], чуть позже появились работы ряда других авторов [Гудков 2002; Дубин 2003; Гавров 2004; Мотыль 2004].

С начала 2000-х гг. многие исследователи обращались к феномену имперского наследия в попытках объяснения очередного срыва процесса политической модернизации и неудач демократических преобразований в России. Алекс Мотыль, например, отмечал, что основным препятствием на пути к демократии «России и ее соседей выступают не дурные политики, принимающие глупые решения, а институциональное бремя имперского и тоталитарного прошлого» [Мотыль 2004: 174–175]. Соглашаясь с автором в признании значимости влияния «имперского наследия» на современное развитие России, подчеркну и наши разногласия. На мой взгляд, не имеет смысла противопоставлять «дурную наследственность» «дурным политикам», хотя бы потому, что деятельность таких политиков чаще всего и приводит к возрождению или оживлению остатков имперского наследия. Кроме того, метафора «наследие» не дает представления об его содержании. Предлагаю следующую его характеристику, выраженную в категории «имперский синдром», включающей три основных элемента — «имперский порядок» (или «имперская власть»), «имперское тело» и «имперское сознание».

«*Имперский порядок*» («имперская власть») — политический режим империи. «Империя, — отмечает Доминик Ливен, — по определению является антиподом демократии, народного суверенитета и национального самоопределения. **Власть над многими народами без их на то согласия** — вот что отличало все великие империи прошлого и что предполагает все разумные определения этого понятия» [Ливен 2005: 79]. Примерно так же трактует империю и Марк Бейссингер, определяя ее как «нелегитимное отношение контроля со стороны одного политического сообщества над другим или другими» [Бейссингер 2005: 68]. Егор Гайдар также считал важнейшим свойством имперского государства его политический режим, а именно: то, что в нем «*imperium* — государственная власть доминировала в организации ежедневной жизни» [Гайдар 2006: 18]. Формула «*власть без согласия народов*», не обязательно означает, что эта власть основана исключительно на насилии, она лишь показывает, что воля граждан и их ассоциаций, например, территориальных сообществ не имеют значения для функционирования имперского порядка. Власть без согласия народа — это суверенитет повелителя (лат. — *imperator*) в отличие от народного суверенитета в государствах-нациях.

Хорошим индикатором имперского порядка является управление провинциями страны с помощью наместников: сатрапов, прокураторов, воевод, назначаемых губернаторов. Создание федеральных округов в России в 2000 году и лишение жителей российских регионов права выбора их руководителей четыре года спустя — это форма восстановления имперского порядка; данное решение было сугубо аппаратным, кабинетным, не опиравшимся ни на легитимные процедуры (вроде референдума), ни на широкое общественное обсуждение. Восстановление управления по типу сатрапий обосновывалось ссылками на национальную русскую традицию, и это был не первый в истории России опыт подобной формы легитимации политических решений. Возвращение к выборам губернаторов в 2012 году не сильно увеличило зависимость глав регионов от населения: они по-прежнему ориентируются не столько на потребности местных жителей, сколько на Кремль, перед которым они чувствуют свою ответственность [Remington, Soboleva, Sobolev, Urnov 2013 : 1855–1876].

¹⁴ Защиту тезиса, согласно которому СССР был имперской политией и в значительной мере являлся продолжением Российской империи, можно найти в работах целого ряда видных исследователей: Гайдар 2006; Кадио 2010 ; Ливен 2007; Хоскинг 2001 и др.

«Имперская власть» нацелена на управление и сохранение *«имперского тела»* — территории страны, разделенной на неинтегрированные в культурном отношении регионы, сохраняющие исторические следы колониальных завоеваний и постоянного освоения завоеванных просторов [Эткинд 2013]. Помимо «вертикальных» хозяйственных связей, следы колониальных завоеваний заметны, прежде всего, в ареалах компактного расселения колонизированных этнических общностей, элиты которых до сих пор оперируют в своем дискурсе опозицией «мы и Россия», вне зависимости от того, имели ли эти народы в прошлом свою государственность. Впрочем, не только территории с преобладанием этнических меньшинств, но и все так называемые «субъекты Российской Федерации», включая области с преимущественно русским населением, — это фактически части «имперского тела». В действительности они лишены своей политической субъектности и объединяются на основе административного принуждения, «вертикали власти», а не добровольного согласия и осознанной заинтересованности в интеграции.

Наконец, «имперское сознание» включает в себя сложный комплекс традиционных стереотипов массового сознания, например, подданническое сознание [Almond, Verba 1963], сохраняющее устойчивые этатистские ценности («культ личности государства», по выражению Е. Евтушенко¹⁵), надежды на «мудрого царя» и «сильную руку», а также имперские амбиции по отношению к внешнему миру.

Элитарные разновидности «имперского сознания», прежде всего, связаны с геополитическим эссенциализмом, выражающимся в двух взаимосвязанных представлениях: во-первых, о российской «уникальной цивилизации», навечно сохранившейся в «русской душе»; во-вторых, о постоянной угрозе этой «цивилизации» со стороны «цивилизации Запада». Эта старинная идея, известная с начала XIX века, вновь стала набирать популярность с середины 1990-х в интеллектуальных и околовластных элитарных кругах, приводя их к тем же выводам, что и графа Уварова за полтора столетия до них, а именно: для защиты от внешнего врага нужен сильный правитель — император — и собственная система ценностей, основанная на патернализме и антизападничестве. Сегодня концепцию принципиальных различий в интересах и ценностях России и Запада, а также идею необходимости реанимации имперского порядка для отражения «западной угрозы», развивают профессиональные пропагандисты и идеологи, такие как члены «Изборского клуба» (В. Аверьянов, А. Дугин, М. Леонтьев, Н. Нарочницкая, Н. Стариков, А. Фурсов, М. Шевченко и др.), созданного в 2012 году под председательством А. Проханова [Умланд 2014].

Элементы «имперского синдрома» не просто взаимосвязаны, но и обеспечивают взаимную устойчивость всей конструкции, выступая условием ее воспроизводства. Вот лишь некоторые варианты такой взаимосвязи. С одной стороны, пока сохраняется «имперское тело», живы и страхи его разрушения. Такие страхи приняли наиболее массовый характер после распада СССР. Впрочем, это произошло не сразу, не в 1991 году; страхи «возвращались» из прошлого постепенно, на протяжении всего последнего десятилетия XX века. К обстоятельствам мы обратимся чуть позже.

С другой стороны, пока существуют страхи разрушения или захвата «имперского тела» внутренними или внешними врагами, воспроизводятся и надежды на «сильную руку» и «мудрого царя».

Наконец, размер «имперского тела» порождает великодержавные амбиции. По мысли неоевразийцев, идеи которых слышны и в речах представителей нынешней политической власти России, не может страна с самым большим «телом» на свете не иметь особой геополитической

¹⁵ Евтушенко Е. Выступление на I Съезде народных депутатов СССР. 1989. — Доступно: <https://www.youtube.com/watch?v=G7Vy-695Zjc>. — Проверено: 14.10.2014.

тической роли в мире, не претендовать на статус Великой державы. Знаменитый постулат этой группы идеологов гласит: «географический рельеф как судьба» [Дугин 1997].

Существует множество способов активизировать взаимодействие в цепи: имперское тело — имперское сознание — имперская власть. Мы выделим лишь тот аспект этой проблемы, который связан с возрождением «имперского сознания». На наш взгляд, он не является имманентно присущим массовому сознанию всего населения России или хотя бы менталитету русских. *Имперское сознание оживает только в том случае, если его сознательно активизируют, реконструируют заинтересованные политические силы, опирающиеся при этом на благоприятные для себя условия, например, усталость народа от реформ.*

*Этапы реконструкции имперского сознания:
от советского — к имперскому*

Постсоветская Россия может служить наглядным примером того, как обществу буквально навязывалось «имперское сознание». В 1992–1994 годах на политической сцене России уже появились политические силы, которые А. Кара-Мурза назвал «жесткие государственники-реставраторы». В это время они активно выдвигали триединое требование: возрождение СССР, объединение разделенного русского народа и защита русских соотечественников, брошенных на произвол судьбы в новых независимых государствах. Лидер российских коммунистов Геннадий Зюганов тогда патетически взывал к чувствам русских людей: «Без воссоединения ныне разделенного русского народа наше государство не поднимется с колен» [Зюганов 1994: 22]. Но эти пламенные речи не имели отклика в массовом сознании. Социологические опросы 1993 года не выявили у россиян ни малейших признаков сожалений о распаде страны и тяги к ее объединению. Например, только 16 % россиян в то время заявляли, что их жизнь в значительной мере связана с другими республиками бывшего СССР, при этом у русских актуальные связи с другими республиками были менее значимыми, чем у респондентов других национальностей, многие из которых, возможно, были выходцами из других республик бывшего Союза [Паин 2004: 75]. Лишь 9,3 % русских и 12,9 % представителей других национальностей заявляли, что они ощущают «свою общность с людьми и историей этих республик» (речь шла о союзных республиках). И даже простой интерес к территориям за пределами России был тогда невысок. К Украине интерес был выше, чем к другим республикам, но и к ней проявляло внимание меньшинство — только 21 % русских респондентов [Паин 2004: 75].

К 1993 году появился Конгресс русских общин (КРО), который стремился превратить многомиллионную русскую диаспору в новых государствах — бывших республиках СССР в мощную политическую силу, в орудие русского ирредентизма, то есть объединения русского мира вокруг России. И каков был результат? Ничего похожего на **венгерский ирредентизм** (например, присоединение Северной Трансильвании); **греческий ирредентизм** (энозис) или **румынский ирредентизм** (Великая Румыния). Ничего, даже отдаленно напоминавшего по мощи указанные ирредентистские движения, на территории СНГ тогда не проявилось. Ирредентизм считается в теории одним из ярких признаков имперского национализма и имперского массового сознания. Так вот в 1990-е годы эти свойства больше проявлялись у названных мной народов, например, сербов и румын, чем у русского.

Можно утверждать, что жесткие государственники, имперские националисты до середины 1990-х годов ссылались на «волю народа» без малейшего на то основания. В начале 1990-х годов 60 % опрошенных социологами под руководством Ю. Левады, рассматривали Запад как модель для подражания, имея в виду ее политическую систему, рыночную экономику и образ жизни [Дубин 2003: 137]. Прошло время, и к 1995 году стали все более ощущаться трудности переходного периода, нарастала усталость от реформ и от ошибок в их

проведении, вот в это время как раз и стали изменяться массовые настроения. В середине 90-х процесс эрозии позитивного образа Запада только начался, а к 2000 г. оценки начала 90-х поменялись на противоположные. В 2001 г. 67 % опрошенных в России указали, что западный вариант общественного устройства в той или иной мере не подходит для российских условий и противоречит укладу жизни русского народа [Дубин 2003: 150].

Радикальность социально-экономических перемен в России в 1990-е годы была ниже, чем, например, в Польше или странах Балтии, по крайней мере, отраслевая структура экономики России и состав ее менеджмента меньше изменились. Однако у названных соседей России психологическая болезненность от шока перемен смягчалась желанием войти в Европу. Считалось, что ради этой самостоятельной и важной цели можно было потерпеть дискомфорт и преодолеть болезни роста. В России такого защитного механизма в народном сознании не было: движение в Европу не являлось самостоятельной целью, напротив, эта идея сама зависела от нескольких других. Важнейшую роль в восприятии вестернизированных реформ играло отношение к социализму и к СССР. В 1989–1992-х годах более половины россиян поддерживало идею «Социализм завел нас в тупик» [Паин 2004: 73]. Примерно такая же доля респондентов поддерживала аналогичную идею в Польше 1980-х годах, но там подобные настроения специально оберегали, на их сохранение работали музеи социалистического быта, подавлявшие желание вернуться в социализм, фильмы Анжея Вайды и едва ли не вся польская литература. В России ничего похожего не было, и к 1995 году стал популярным другой тезис: «Социализм был не так уж плох, плохи были его лидеры», а к началу 2000-х были реабилитированы и лидеры.

В этом отношении показательны перемены в отношении к образу Иосифа Сталина. Во второй половине 80-х, в период начала общенациональных социологических опросов в СССР, Сталин не попадал в списки выдающихся деятелей и был фигурой, постоянно подвергаемой в перестроечных медиа жесточайшей критике. В 1991 г., в новой постсоветской России отношение к нему в массовом восприятии лишь ухудшилось. Тогда менее одного процента опрошенных первым в России социологическим центром ВЦИОМ посчитало, что о нем будут помнить через десять лет. Подавляющее же большинство респондентов было уверено, что его скоро просто забудут. Однако этот прогноз не сбывся, менее чем через десять лет тот же социологический центр зафиксировал, что Сталин по данным опросов общественного мнения лидирует списке самых выдающихся глав российского государства всех времен [Дубин 2003]. Показательно, что третью строчку в этом рейтинге занимал Юрий Андропов — коммунистический лидер России 1982–1984 гг., а до этого многолетний глава КГБ, который также как и Сталин воспринимался массовым сознанием россиян как сильный авторитарный администратор — «железная рука» [Дубин 2003]. После десяти трудных лет привыкания к новой социальной и экономической среде у многих россиян возродились привычные советские стереотипы, связывающие в сознании стабильность исключительно с авторитарным правителем. Но еще важнее, что эти патерналистские стереотипы навязывались массам российской политической элитой, которая не только морально реабилитировала Сталина, но и активно его рекламировала. Приведу лишь несколько примеров. К 55-летию победы над фашизмом 9 мая 2000 г. в Кремле была открыта мемориальная плита в честь героев Второй мировой войны. Список открывала фамилия Сталина. В том же году были выпущены юбилейные медали, на которых также был выбит портрет Сталина. В поздравительной речи ко Дню победы в 2000 г. Президент России Путин обратился к согражданам со словами «братья и сестры», которые памятны россиянам по радиообращению Сталина к советскому народу 3 июля 1941 г. Наконец, комментируя по телевидению праздничные события того же дня в 2000 г., известный кинорежиссёр Никита Михалков призвал вернуть городу Волгограду его прежнее имя Сталинград [Дубин 2003].

В 2002 году первый в России социологический центр ВЦИОМ, которым тогда руководил Ю. Левада, выпустил юбилейный сборник, посвященный 15-летию своей деятельности и отразивший социальные перемены в России с 1987 г. Оказалось, что именно в 2002 г., впервые за 15 лет социологического мониторинга, распад СССР был оценен респондентами в качестве главного и самого драматического события всего этого периода¹⁶.

Вслед за изменением взглядов на социализм и Советский Союз быстро стали меняться представления о врагах России. В СССР Запад рассматривался не только как геополитический противник, но и как классовый враг, компромисс с которым невозможен, поскольку классовые противоречия, согласно марксистской доктрине, носят антагонистический характер. Единственным временем, когда политическая элита СССР, а затем и России провозгласила лозунг возвращения в «семью цивилизованных народов», «в Европу», был период с конца 1980-х до начала 1990-х годов. Массовое сознание тогда весьма активно поддержало эту политику, в это время в России доминировала идея: *«Зачем искать врагов, если корень наших бед в нас самих»*, но по мере возвращения советского в культуре России стали оживать и советские стереотипы массового сознания. Первыми вернулись страхи, фобии, образы врага. В 1991 году только 12 % опрошенных считали Запад (прежде всего США) своим врагом, в 1994 — уже 41 %, а в 1999 году — больше двух третей респондентов — 65 % [Гудков 2002: 132–133]. В 2014 г., после событий на Украине отношение основной массы россиян к Западу стало почти тотально враждебным. Опрос «Левада-центра», проведенный 18–21 июля 2014 года показал, что отношение к США как «плохое» оценили 74 % респондентов, что является максимумом за всё время наблюдений. Две трети опрошенных (60 %) негативно воспринимают страны Евросоюза¹⁷. Более половины россиян (52 %) объясняют стремление Украины к сближению с Европой тем, что «Украина стала марионеткой в руках Запада и США, проводящих антироссийскую политику»¹⁸.

Рост фобий к Западу не связывался в массовом сознании с возрождением советских черт в жизни России. Свои перемены россияне объясняют с позиций несовместимости цивилизаций России и Запада: «Вот мы изменились, стали демократией, а Запад нас по-прежнему не любит — это их природная русофобия».

В России вначале вернулось советское сознание (конец 1990-х годов), а уже после этого постепенно была реабилитирована идея империи в досоветской ее редакции. Дело в том, что в Советском союзе термин «империя» имел сугубо негативную коннотацию. Авторитетный историк советской национальной политики Терри Мартин приводит документальные доказательства своего вывода о том, что «Ленин и Сталин очень хорошо осознавали опасность, которую несло клеймо империи в век национализма», поэтому советские лидеры никогда не называли СССР империей [Martin 2001: 19]. И нынешнюю Россию ее власти до сих пор упорно именуют федерацией, хотя она все больше приобретает черт имперского устройства. Советским людям со школы внушали, что империя — это «плохо», это «тюрьма народов», это режим, против которого боролся великий Ленин, а империализм — это последняя стадия разложения капитализма. Тем удивительнее реабилитация термина «империя» вначале XXI в.

Примечательно, что в 2000 г. в разных издательствах России вышли романы, написанные в жанре «антиутопии» (проза в стиле Джорджа Оруэла, описание современности под видом событий будущего) и посвященные России как империи. Во-первых, показателен интерес к жанру антиутопии, который иногда называют жанр «зашифрованного языка». В пери-

¹⁶ Итоги 2002 и предшествующих годов глазами россиян [см.: Общественное мнение... 2002].

¹⁷ «Отношение россиян к другим странам». Опрос «Левада-центра» 18–21 июля 2014 года. — Доступно: <http://www.levada.ru/06-08-2014/otnoshenie-rossiyan-k-drugim-stranam>. — Проверено: 14.10.2014.

¹⁸ «Украинский кризис». Опрос «Левада-центра» 1–4 августа 2014 г. — Доступно: <http://www.levada.ru/12-08-2014/ukrainskii-krizis-deistviya-rukovodstva-ukrainy-i-rossii>. — Дата обращения: 14.10.2014.

од М. Горбачева и Б. Ельцина у россиян не было спроса на такую литературу. Напротив, после долгих лет жизни за «железным занавесом» изголодавшаяся по правде постсоветская публика буквально набрасывалась тогда на литературу, отражающую актуальные проблемы. Наиболее популярной была публицистика Ю. Буртина, В. Коротича, Н. Шмелева, Ю. Черденченко и др. Во времена В. Путина, как и во времена И. Сталина, появилась необходимость зашифровывать мысли о современности. Во-вторых, поражает, что во всех романах отразилось *предчувствие возрождения в России имперского порядка*. В одном из них (в романе Эдуарда Геворкяна «*Времена негодяев*») прямо говорится о России как империи; в других — используются вымышленные названия: «Славянский Союз» [Дивов 2000], «Империя Ордо-Русь» [Ван Зайчик 2000] или «Империя Гесперия», столица которой называется Москвой [Крусанов 2000]. Время действия отмеченных романов обозначено по-разному: у Э. Геворкяна время указано точно — 2014 год [Геворкян 2000], у других менее определенно — как первое двадцатилетие или тридцатилетие нынешнего века. Несколько позже в 2006 году вышла знаменитая ныне антиутопия писателя Владимира Сорокина «*День опричника*». Эта книга, по замыслу писателя, должна была предостерегать о судьбе, которая ждёт Россию в случае продолжения текущего политического курса. Её действие происходит в России 2027 года, отгороженной от остального мира Великой Русской Стеной, по аналогии со стеной, окружавшей средневековую Китайскую империю, и хорошо символизирующей нынешнюю (2014 г.) изоляцию России в мире.

Ни один из этих романов не мог служить делу популяризации империи, поскольку во всех из них образ империи был представлен крайне непривлекательно, отталкивающе, а порой и ужасающе. Например в романе «*Дело жадного варвара*» Россия изображена полностью поработанной Китаем. Русский народ в романе ассимилирован, а русский язык забыт и вытеснен китайским. От России остался лишь государственный гимн, текст которого был некогда написан поэтом Сергеем Михалковым, но слегка измененный: в нем говорится о Союзе улусов вместо прежнего Союза республик.

Писатели в романах передали свой страх перед надвигающимся тоталитаризмом и раньше, чем социологи ощутили в российском обществе перемены, прежде всего, массовый спрос на стереотипы имперского сознания, которые целенаправленно активизировались с конца 1990-х гг., а ныне широко эксплуатируются в целях самосохранения авторитарных сил и реанимации имперского синдрома. Один из героев романа «*Времена негодяев*», написанного в 2000 г., так излагал национальную идею России на 2014 год: «*Только большая страна сможет в будущем победить своих врагов*». Затем герой поправил себя: «*Не большая, а великая... Великую страну делают великие люди... Великих людей собирает великий правитель...*». Не уверен, что президент Путин читал эти строки, но его знаменитый лозунг: «*Россия будет либо великой, либо ее не будет вообще*» и без того является обобщением стереотипов массового сознания¹⁹.

Лишь к концу первой декады 2000 г. в политическом дискурсе так называемых «национал-патриотических» или «красно-коричневых» сил России (А. Дугин, А. Проханов, М. Юрьев и др.) стало модным использовать слово «империя» для обозначения как былого советского величия и порядка, так и желаемых перемен в будущем. Но больше других в популяризации империи постаралась и преуспела бизнес-реклама. Ее усилиями мотивы империи постепенно стали входить в массовую культуру, а затем и в массовое сознание. Самые популярные сорта русской водки во многих регионах России получают названия «империя», «им-

¹⁹Эта фраза постоянно повторяется как путинская, но она приписывается В.В. Путину с чужих слов: «Каж-дому из нас по сердцу слова нашего Президента: Россия может быть либо великой, либо никакой», — сказал Александр Дугин, выступая на Всемирном Русском народном соборе, прошедшем 13–14 декабря 2001 года в Москве. Опровержений этим словам не было.

перская». Бизнес-класс в некоторых российских авиакомпаниях переименовали в класс «империал». А дальше термин «империя» стал символом чего-то очень хорошего, постоянно мелькая в словосочетаниях, типа «империя вкуса», «империя духа». Империя стала воспеваться на эстраде, в кино, литературе. В художественных произведениях империя почти всегда выглядела привлекательно, «красиво», иногда даже «шикарно», как парад войск царя Александра III на кремлевской площади в кинофильме Никиты Михалкова «Сибирский цирюльник». Имперский стиль стал доминирующим в архитектуре и градостроительстве.

Имперское сознание, реконструированное и активизированное в середине первой декады 2000-х гг., как только утвердилось, стало оказывать заметное влияние на политическую жизнь, обуславливая спрос на типаж популярных политических деятелей и их дискурс. ***Реконструированный традиционализм в сочетании с относительно устойчивыми особенностями географии, хозяйства, культурных традиций страны — все это оказывает влияние на воспроизводство «имперского синдрома», который, в определенной мере, ныне формирует русло политического творчества в России, обуславливая высокую вероятность воспроизводства имперских черт в политике нашей страны.***

Политические перспективы русского национализма

В условиях нынешнего этапа развития России, ее бурной ретрадиционализации и почти тотального единения русских националистов с властью возникают вопросы о судьбе этого течения.

Ныне имперский национализм становится не только политическим попутчиком российской власти, но и ее основной социальной базой, выразителем доминирующей политической доктрины властной элиты. Массовые слои имперских националистов с большим воодушевлением восприняли факт присоединения Крыма к России. Отброшены все разногласия с властью. По мере идейного сближения с властью, теряется специфика имперского национализма как самостоятельного движения, быстро падает и его привлекательность для потенциальных adeptов, что может привести к оттоку из националистических движений его членов. Многие из них теперь имеют возможность реализовывать свои политические интересы под покровительством власти, не называя себя «националистами», — термином, имеющим с советских времен в России весьма негативную коннотацию. Негативное восприятие термина «национализм» лишь усилилось в 2014 г. после того, как российская пресса с небывалой интенсивностью стала освещать смену власти на Украине как националистический и фашистский переворот.

Лишь на какой-то миг (по историческим меркам) могло показаться, что у имперского национализма есть шансы на самостоятельное развитие и даже на особую роль сверхконсервативной или суперреакционной оппозиции по отношению к нынешней власти. Такие представления появились в середине 2014 г. в связи с ростом общественной популярности ополченцев Донбасса у российских респондентов. По данным социологической службы ВЦИОМ от 12–13 июля 2014 г., подавляющее большинство респондентов в России (85 %) оценивало донбасских ополченцев с различными оттенками позитивности и лишь 8 % относилось к ним негативно. При этом абсолютное большинство опрошенных (89 %) воспринимало комбатантов как защитников этнических русских, права которых на Украине нарушаются²⁰. Такое мнение было сформировано российскими СМИ, они же обеспечили чрезвычайную популярность лидерам вооруженных формирований. Во влиятельном среди националистически ориентированных масс издании «Свободная пресса» в июле 2014 серьезно обсуждался вопрос, не со-

²⁰ «РУССКИЙ МИР», УКРАИНА И ПОЛИТИКА РОССИИ. — ВЦИОМ. 12–13 июля 2014. Пресс-выпуск № 2632. — Доступно: <http://wciom.ru/index.php?id=459&uid=114905>. — Проверено: 14.10.2014.

ставит ли Игорь Стрелков (Гиркин), который тогда был военным руководителем ополченцев, конкуренцию В. Путину²¹. Это предположение было изначально крайне слабо аргументировано, поскольку российские власти всегда имели возможность перенаправить имперско-националистический подъем в свою пользу, а уж нейтрализовать потенциальных конкурентов, полностью зависимых от Кремля, и вовсе не составляло проблемы. Уже 7 августа 2014 г. И. Стрелков, А. Бородай, В. Болотов и некоторые другие популярные лидеры донбасского сопротивления были удалены с Донбасса, с этого момента их популярность стала таять еще быстрее, чем раньше росла. 4 ноября 2012 г. на один из двух альтернативных «Русских маршей», тот который был на Щукинской («Марш за Новороссию»), приглашение распространяли от имени Стрелкова; пришло едва полторы тысячи человек, это в двое меньше чем на альтернативный марш в Люблино и несопоставимо меньше, чем на официальную демонстрацию по случаю «Дня народного единства»²². Властям России всегда удавалось последовательно разрушать крупнейшие организации русских националистов, которые в разные годы претендовали на роль ведущей силы и объединителя националистических партий и движений в России. В 1990-е годы это было общество «Память», затем Общероссийское общественное патриотическое движение «Русское национальное единство» (РНЕ). В начале 2000-х власти сумели расколоть, обезглавить и поставить вне закона движения наци-скинхедов, а к 2011 г. — «Движение против нелегальной иммиграции» (ДПНИ). Националистам до сих пор не удается преодолеть идейные расколы и противоречия, существующие между разными течениями внутри национализма: левыми и правыми, красными и белыми, а власти используют эту идейную многоукладность и эклектику русского имперского национализма, успешно раскалывая его. Вот и ныне на «марше за Новороссию» портреты полковника ФСБ Стрелкова соседствовали с портретами конкурирующего лидера этого движения, полковника ГРУ Квачкова; здесь же портреты Сталина оттенялись портретами тех белых генералов, с которыми он воевал. В противоположность самочинному националистическому движению провластные силы организованы сверху, на их стороне российские средства массовой пропаганды. Никто из национал-имперских сил не может политически конкурировать с В. Путиным, который фактически развивает идеи «официальной народности», добавляя к идее об особом пути России еще и концепцию защиты «Русского мира» на территориях, входивших в состав Российской империи. Он выглядит единственным реальным лидером имперского национализма в условиях обострения массовых предрассудков об извечной враждебности Запада по отношению к России.

Итак, при оценке перспектив русского национализма, первый из наших выводов сводится к тому, что *имперский национализм*, ориентирующийся на территориальную экспансию и жесткий авторитаризм во внутренней политике может быть идеологией действующей в России власти (и то лишь на какое-то не очень протяженное время), *но у него нет перспектив для самостоятельного развития в качестве самостоятельного движения.*

Второй вывод состоит в том, что *самодетальное националистическое движение в России в ближайшее время все же будет развиваться, но как оппозиционное действующей власти на основе антиимперской и продемократической идеологии.* Лидеры, пусть и крайне малочисленного пока национал-демократического ручейка в русском национализме, хорошо понимают фундаментальное отличие национализма от имперской идеологии и политики. Вероятность их полного отступления от своих принципиальных позиций невелика, даже в услови-

²¹ Герой нашего времени. — Мнения. — Свободная Пресса. — Всеволод Непогодин размышляет о личности Игоря Стрелкова. — Доступно: <http://svpressa.ru/t/94172/>. — Проверено: 14.11.2014.

²² Шепелин И. «Власть от бога, а не от бандерлога!» — Доступно: <http://iton.tv/ekho-planety/item/1787-vlast-ot-boga-a-ne-ot-banderloga>. — Проверено: 14.10.2014.; Андрей Козенко. О самом слабом «Русском марше». — Доступно: <https://meduza.io/news/2014/11/04/inache-budet-pravonarushenitse>. — Проверено: 14.10.2014.

ях, когда значительная часть представителей этого движения поддержала власть по «крымскому вопросу». Дело в том, что весь политический доход от лозунга «Крым наш» уже исчерпан, все яснее проступают убытки от него, прежде всего в экономической сфере, которые постепенно перерастут в психологические издержки этой акции, а затем и в политические. Донецкая и Луганская республики постепенно начинают напоминать Приднестровье, политический статус которого не признается даже Россией. Вот и по отношению к ДНР и ЛНР уже действует принцип: «Мы вас уважаем, но не признаем» — такова официальная позиция российских властей²³. В таких условиях самодеятельные движения русских националистов вновь обращают основное внимание на внутреннюю политику и здесь сразу же проявляются их разногласия с властью и с имперским национализмом. Весьма показательна в этом отношении критика популярными среди русских националистов блогерами заявлений Стрелкова по поводу выступлений Ходорковского о статусе Крыма²⁴.

Егор Просвирнин, автор популярнейшего сайта: «Спутник и погром» в ответ на указанные выступления Стрелкова разразился язвительной статьей, в которой своего недавнего кумира, еще месяц назад величаемого им «национальным героем», «Суворовым современности», называет его подлинной фамилией Гиркин и характеризует как начинающего политолога, подражателя Дугину, призывая не держать русских националистов за дураков: «...Вы живете в гиперинформационном обществе 21 века, все предыдущие два года с упоением изучавшем состав активов знаменитого кооператива «Озеро», поэтому ваши заходы про гнетущих Евразиюшку Ротшильдов это такой... детский сад, что у меня даже нет слов, чтобы все это выразить. 20 лет назад это бы сработало, но 20 лет назад были 20 лет назад, с тех пор немножко народился городской русский средний класс. Мы... для которых ваши рассказы про Ротшильда и товарища Путина, который „ничего не знал“... это дикость! Мы... желающие жить в русском национальном государстве, где есть права человека, нет олигархов и где власть подотчетна обществу, а рассказы про мировое жидомасонство... глубокая маргинальщина»²⁵.

В России назревает социально-экономический кризис, как по внутренним причинам, так и вследствие усиливающейся международной изоляции России, это уже вызывает новое политическое размежевание в стране, которое будет лишь нарастать. В этих условиях весьма вероятно усиление давления властей на все самоорганизующиеся идеологические группировки, в том числе и на организации национал-демократов. К тому же их оппозиционность буквально предопределена неизбежным ростом спроса на лозунги «защиты русских в России». Российская власть неоднократно объявляла о своем праве защищать русских за пределами России, но положение русских во многих республиках Российской Федерации явно не лучше того, чем оно было в бывшей украинской Республике Крым. В частности, нарастают требования защитить права русских на представительство в органах власти и на защиту русского языка в системе образования в республиках РФ, например, в Татарстане [Сулейманов 2012]. С этими требованиями уже выступают правозащитники, в том числе и организации русского национал-демократического направления в Поволжье, в Сибири и особенно на Северном

²³ МИД: Россия уважает волеизъявление жителей юго-востока Украины. — Доступно: <http://ria.ru/world/20141102/1031477177.html/>; Кремль сказал, что «уважает» выборы в Донбассе, но не признает. Доступно: <http://rus.delfi.ee/daily/abroad/kreml-skazal-cto-uvazhaet-vybory-v-donbasse-no-ne-priznaet?id=70107845>. — Проверено: 14.10.2014.

²⁴ Стрелков вступился за Россию и Путина в полемике с Ходорковским. — Доступно: <http://lenta.ru/news/2014/10/17/strelkov>. — Проверено: 14.10.2014.

²⁵ Стрелков против Ходорковского: шокирующий дебют евразийского политолога Гиркина. 17 октября 2014 г. — Доступно: <http://sputnikpogrom.com/russia/22931/fuck-me-sideways-and-call-me-sally/#.VE93OfmsUrZ>. — Проверено: 14.10.2014. Мы удалили из этого текста и заменили многоточием нецензурные выражения, не изменив его сути.

Кавказе. Дальнейшее обострение межэтнической напряженности, связанной с притоком мигрантов, при обвальном падении уровня толерантности в российском обществе, также будет стимулировать оппозиционность русского националистического движения.

В будущих политических коллизиях, скорее всего, восстановится блок либерал-демократов и национал-демократов, которые будут выступать в качестве политической оппозиции как властям, так и поддерживающим их имперским националистам. Однако такой союз может быть только в узкой зоне совместных интересов, ведь большая часть русских националистов, включая и национал-демократов, стоит на основе этнического национализма, неизбежно сопровождающихся шовинизмом и ксенофобией. Эти явления принципиально не приемлемы для либеральных сил. Из всех националистических организаций только «Национал-демократический альянс» (НДА) сделал шаг к переходу от этнического национализма к гражданскому. Его лидеры публично заявили об отказе НДА от базового требования русских этнических националистов о «провозглашении государствообразующей нации в России», более того, один из них заявил: «С нашей точки зрения, Россия должна идти по пути Евросоюза и в итоге образовать с ним единую общность» [Лазаренко 2013]. Но такие идеи пока абсолютно чужды для массы русских националистов, да и для российского общества в целом. Последнее не различает разновидности национализма: имперский; этнический антиимперский; гражданский. Идея гражданской нации не имеет поддержки даже в среде либеральных сторонников модернизации. Однако и сама модернизация России пока рассматривается ими как мечта, некий недостижимый идеал. Вот когда модернизация из теоретической идеи станет актуальной проблемой, войдет в политическую повестку дня России, тогда и станет возможным осознание роли и значения концепта гражданской нации и понимание фундаментальной формулы Данкварта Растоу о том, что у политической модернизации в направлении к демократии есть «единственное предварительное условие — наличие национального единства». [Растоу 1996].

Арутюнян Ю.В., Дробижева Л.М., Сусоколов А.А. 1999. *Этносоциология*. — М.: «Наука».

Бейссингер М. 2005. Переосмысление империи после распада Советского союза. — *Ab Imperio*. — № 3.

Бромлей Ю.В. 1983. *Очерки теории этноса*. — М.: «Наука».

Ван Зайчик Х. 2000. *Дело жадного варвара*. — СПб.: Азбука.

Вортман Р. 1999. «Официальная народность» и национальный миф российской монархии XIX века. — *РОССИЯ/RUSSIS*. — Вып. 3. — Культурные практики и идеологические перспективы. — М.: ОГИ.

Гавров С.Н. 2004. *Модернизация во имя империи. Социокультурные аспекты модернизационных процессов в России*. — М.: «Эдиториал УРСС».

Гайдар Е.Т. 2006. *Гибель империи. Уроки для современной России*. — М.: РОСПЭН.

Галкина Е. 2012. Национально-культурное строительство в СССР и постсоветский мир. — *СССР: Жизнь после смерти*. — М.: Изд-во НИУ ВШЭ.

Геворкян Э. 2000. *Времена негодяев*. — М.: АСТ.

Герштейн Э.Г. 1941. Лермонтов и «кружок шестнадцати». — *Жизнь и творчество М.Ю. Лермонтова*. — М.

Гудков Л. 2002. Русский неотрадиционализм и сопротивление переменам. — *Мультикультурализм и трансформация постсоветских обществ*. — М.: «Наука».

Дивов О. 2000. *Выбраковка*. — М.: ЭКСМО-ПРЕСС.

- Дружинин Н.М. 1985. *Избранные труды. Революционное движение в России в XIX в.* — М.: «НАУКА».
- Дубин Б. 2003. Запад для внутреннего потребления. — *«Космополис»*. — № 1(3).
- Дубин Б. *Сталин и другие: фигуры высшей власти в общественном мнении современной России.* — 26 февраля 2003. — Доступно: <http://polit.ru/article/2003/02/26/585074>. — Проверено: 14.10.2014.
- Дугин А. 1997. *Основы геополитики. Геополитическое будущее России.* — М., «Арктогея».
- Замятин Д.Н., Замятина Н.Ю. 2000. Пространство российского федерализма. — *Полис. Политические исследования.* — № 5.
- Зюганов Г. 1994. *Драма власти.* — М.: «Палей».
- Идеология «особого пути»... 2010. *Идеология «особого пути» в России и Германии: истоки, содержание, последствия.* — М.: Три квадрата.
- Кадио Ж. 2010. *Лаборатория империи: Россия/СССР, 1860–1940.* — М.: Новое литературное обозрение.
- Кара-Мурза А. 1999. *Как возможна Россия?* — М.
- Крусанов П. 2000. *Укус ангела.* — СПб.: Амфора.
- Крылов К. *Лучшие демократы получают из бывших фашистов.* 10 мая 2010 — Доступно: <http://ru-nazdem.livejournal.com/836129.html>. — Проверено: 14.10.2014.
- Лазаренко И. *Выступление в дискуссии X Старовойтовских чтений.* Москва, НИУ ВШЭ. 20.11.2013. — Доступно: <http://www.kennan.ru/index.php/Sobytiya/Starovojtovskie-chteniya/Desyatye-Starovojtovskie-chteniya/Diskussiya>. — Проверено: 14.10.2014.
- Ливен Д. 2005. Империя, история и современный мировой порядок. — *Ab Imperio.* — № 1.
- Ливен Д. 2007. *Российская империя и ее враги с XVI века до наших дней.* — М.: Европа.
- Лурье С.В. 2011. «Дружба народов» в СССР: национальный проект или пример спонтанной межэтнической самоорганизации? — *Общественные науки и современность.* — № 4.
- Майофис М. 2010. От идей «единой Европы» к идее «особого пути»: С.С. Уваров в 1818–1821 гг. — *Идеология «особого пути» в России и Германии: истоки, сущность, последствия.* — М.: «Три квадрата».
- Миллер А. 2012. История понятия «нация» в России. — *Отечественные записки.* — № 1.
- Митрохин Н. 2003. *Русская партия: движение русских националистов в СССР. 1953–1985 годы.* — М.: Новое литературное обозрение.
- Мотыль А. 2004. *Пути империй: упадок, крах и возрождение имперских государств.* — М.: МШПИ.
- Нечкина М.В. 1982. *Декабристы.* — М.: «Наука».
- Общественное мнение... 2002. *Общественное мнение — 2002.* — М.: ВЦИОМ.
- Паин Э., Мохов С., Поляков Е., Федюнин С. 2013. Этнополитические процессы в зеркале Рунета. — *Политическая наука.* — № 1.
- Паин Э. 2013. Будущее постимперских обществ XXI века. Нации, гражданский национализм и демократия. — *Россия в глобальной политике.* — № 3.
- Паин Э. 2012. От федерализма к цивилизационному национализму: дрейф этнополитической проблематики. — *Казанский федералист.* — № 2(28).
- Паин Э. 2007. Россия между империей и нацией: концепции национально-государственного устройства в условиях кризиса гражданской идентичности. — *Pro et Contra.* — № 3.
- Паин Э.А. 2004. *Между империей и нацией.* — М.: Новое издательство.

Просвирнин Е. 2014. Зачем «Спутник и Погром» продан Кремлю? — *Sputnik&Pogrom* — 28.02. — Доступно: <http://sputnikpogrom.com/russia/9581/lets-work-for-our-supreme-leader-putin/>; http://www.ng.ru/politics/1999-12-30/4_millenium.html. — Проверено: 14.10.2014.

Путин В.В. 1999. Россия на рубеже тысячелетий. — *Независимая газета*. — 30.12. — Доступно: http://www.ng.ru/politics/1999-12-30/4_millenium.html. — Проверено: 14.10.2014.

Путин В.В. 2003. Послание Президента Российской Федерации Владимира Владимировича Путина Федеральному Собранию РФ. 16 мая 2003 г. — *Российская газета*. — 17 мая. Доступно: <http://www.rg.ru/2013/12/12/poslanie.html>. — Проверено: 14.10.2014.

Путин В.В. 2005. Послание Президента Российской Федерации Владимира Владимировича Путина Федеральному Собранию РФ. 25 апреля 2005 года. — *Послание Федеральному Собранию Российской Федерации*. — Доступно: <http://archive.kremlin.ru/text/appears/2005/04/87049.shtml>. — Проверено: 14.10.2014.

Путин В.В. 2012. Россия: национальный вопрос. — *Независимая газета*. 23.01. — Доступно: http://www.ng.ru/politics/2012-01-23/1_national.html. — Проверено: 14.10.2014.

Растоу Д.А. 1996. Переходы к демократии: попытка динамической модели. — *Полит. Политические исследования*. — № 5.

Сергеев С. 2010. Восстановление свободы. Демократический национализм декабристов. — *Вопросы национализма*. — № 2.

Современные... 1999. *Современные международные отношения*. — М.: «Российская политическая энциклопедия» (РОССПЭН).

Соловьев В.С. 1901. *Национальный вопрос в России*. Вып. 1. 1883–1888. — В.С. Соловьев: собрание сочинений. Т. V. 1883–1897. — СПб.: Издание товарищества «Общественная польза».

Сулейманов Р. *Русских в Татарстане ждет судьба русских Северного Кавказа*. — Доступно: <http://www.apn.ru/publications/article26361.htm>. — Проверено: 14.10.2014.

Тор В. 2014. Похвальное слово Майдану. — *Официальный сайт Национал-демократической партии*. — Февраль. — Доступно: <http://rosndp.org/pohvaljnoe-slovo-majdanu.htm>. — Проверено: 14.10.2014.

Умланд А. 2014. Новые праворадикальные интеллектуальные круги в России: Антиоранжевый комитет, Изборский клуб и клуб «Флориан Гейер». — *Неприкосновенный запас*. — № 2(94).

Федоров В.А. 1992. *Декабристы и их время*. — М.: Изд-во МГУ. — 272 с.

Федоров В. «*Россияне не понимают, чего хотят белоленточные смутьяны*». Интервью с генеральным директором ВЦИОМ Валерием Федоровым. — Доступно: <http://expert.ru/2012/12/28/valerij-fedorov-rossiyane-ne-ponimayut-cto-hotyat-belolentochnyie-smutyany/>. — Проверено: 14.10.2014.

Хантингтон С. 2003. *Третья волна. Демократизация в конце XX века*. — М.: РОССПЭН.

Холмогоров Е. Русская весна. — *Русский обозреватель*. — Доступно: http://www.rus-obr.ru/lj/29740_ — Проверено: 14.10.2014.

Хоскинг Д. 2001. *Россия: народ и империя (1552–1917)*. — Смоленск: Русич.

Широпаев А. 2014. Об Украине и исторических связях. — *Русская Фабула*. — Доступно: <http://rufabula.com/articles/2014/01/31/about-ukraine-and-historical-ties>. — Проверено: 14.10.2014.

Цимбаев Н.И. 1986. *Славянофильство. Из истории русской общественно-политической мысли XIX века*. — М.: Из-во МГУ.

Эткинд А. 2013. *Внутренняя колонизация. Имперский опыт России*. — М.: Новое литературное обозрение.

Almond G., Verba S. 1963. *The Civic Culture: Political Attitudes and Democracy in Five Nations*. — Princeton : Princeton University Press.

Dictionary of Race... 1966. *Dictionary of Race and Ethnic Relation*. — N. Y.

Laruelle M. 2013. Alexei Navalny and challenges in reconciling “nationalism” and “liberalism”. — *Post-Soviet Affairs* — No. 4.

Martin T. 2001. *The Affirmative Action Empire. Nation and Nationalism in the Soviet Union, 1923–1939*. — Ithaca: Cornell University Press.

Pain E. 2008. Nationalism and the Imperial Idea in Russia: Confrontation and Synthesis. — *Russia: A New Cold War?* — London, Portland: Valentine Mitchell Academic.

Pain E. 2001. Back to the USSR? New trends in Russian Regional policy. — “*Demokratizasiya.*” *The Journal of post-Soviet Democratization*. — Vol. 9. — No. 2.

Remington T.F., Soboleva I.V., Sobolev A.S., Urnov M.Y. 2013. Economic and Social Policy Trade-Offs in the Russian Regions: Evidence from Four Case Studies. — *Europe-Asia Studies*. — Vol. 65. — No. 10.